

ЛИЦА ЭПОХИ

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.*

Е. Евтушенко

Эти строчки поэта как мелодия жизненно важного открытия. Да, эти стихи тогда, в 60-е, помогали нам понять и почувствовать сущность жизни и судьбы отдельного человека, его неповторимую ценность и уникальность. Это сейчас так много пишут об этом. Еще бы: антропологический подход сегодня оценен и признан. А мы тогда и слова такого не знали. Нашей антропологией были поэзия и проза, открывавшие человека, его судьбу, превратности его жизни, его противостояние в роковых, трагических ситуациях и значительность его повседневной жизни. Эти строчки надо обязательно закончить — так требует мысль, заключенная в строфе: «У каждой все особое, свое, и нет планет, похожих на нее».

*

Смушает жанр, в который собираюсь облечь свои размышления. Скорее всего, они должны быть элементом книжного обозрения нашего «Вестника», краткой оценкой книг, заслуживающих внимания герценовцев, — к истории университета, к судьбам тех, кто эпизодически соприкасался с его историей или посвятил ему целую жизнь. В то же время хочется написать о благодарной памяти и ее роли в сохранении персонифицированной истории, а также об особенностях книг, которые встали на полку домашней библиотеки.

*

Почти в одно время было отмечено столетие трех людей, очень разных, работавших в разных областях науки, и людей, на-

верное, разного масштаба. Я написала «разного масштаба» и смутилась. Ведь масштаб должен обязательно соотноситься с какими-то величинами. А с какими, если речь идет о судьбах, об истории жизни людей? Наверное, с таким понятием, как *жизненный путь человека*. Перелистывая в очередной раз Б. Г. Ананьева, я прочитала: «*Жизненный путь человека* — это история формирования и развития личности в определенном обществе, *современника* определенной эпохи и *сверстника* определенного поколения»¹. Их жизненный путь был различным. Их известность тоже не была одинаковой. И вместе с тем столетие каждого из них показало, каким важным оказался их жизненный путь для множества людей: как современников, так и последующих поколений. Достойный жизненный путь, их деяния и благодарная память о них, сохраненная другими людьми, наверное, как раз и измеряют масштаб их личности.

Герои книг, о которых я хочу рассказать, это люди одного исторического времени, их жизненный путь проходил в советском обществе. Они были ровесниками. Кто же они?

Это Николай Александрович Козырев (20. 08. 1908).

Это Галина Ивановна Щукина (15.02. 1908).

Это Дина Клементьевна Мотольская (31. 12. 1907).

Имя каждого из них связано с историей нашего учебного заведения. Связано по-разному. Вошли они в мое сознание тоже по-разному.

О Н. А. Козыреве я знала ничтожно мало — *что-то* о его «теории времени». Г. И. Щукина была моим наставником в науке и долгие годы — просто очень близким человеком. Д. К. Мотольская была моим преподавателем на историко-филологическом факультете. Она с энтузиазмом вовлекла меня в исследовательскую деятельность на кафедре русской литературы и всячески поощряла занятия в «общественной аспирантуре» для учителей в 60-х гг., читала мои первые научные «опыты» и сохранила неизменное внимание к моей судьбе, вплоть до своей кончины.

*

И вот обо всех этих людях с небольшой разницей во времени вышли книги, приуроченные к их столетию. Наверное, эти книги не станут значительным событием в литературной жизни, не вызовут сенсационный интерес. Да это и не нужно. Они попадут по преимуществу в руки заинтересованных читателей: ученых, студентов, преподавателей. Тираж каждой из них всего 300 экземпляров.

Эти книги, я думаю, чрезвычайно важны как история поколения «в лицах» — поколения, пережившего важнейшие события советской эпохи, от которой нельзя просто так откреститься. Нельзя, потому что это время жизни миллионов людей, это время жизни поколения наших родителей и нашего тоже.

Эти книги важны и потому, что «ничто на земле не проходит бесследно»: ни научный поиск, ни поступки, ни страдания, ни отношения к ученикам и коллегам, ни вся твоя, человек, деятельность — повседневная, в обычных и экстремальных условиях, в ситуациях признания заслуг или их замалчивания.

Самая солидная и прекрасно изданная из этих книг — «Время и звезды»² — о Н. А. Козыреве. Выход в свет этой прекрасно изданной книги — во многом заслуга Н. Н. Казанского, академика РАН, сына Н. А. Козырева. Почему она мне, гуманитария, интересна?

Николай Александрович Козырев (1908–1983)

...О Н. А. Козыреве я случайно узнала от своего соискателя. Консультируя его, я больше вникала в сложный научный дискурс и полностью была сосредоточена на сложной научной проблематике³ докторанта. Беседы наши по преимуществу имели научно-деловой характер. Стараясь понять мотивы обращения исследователя к указанной теме, понять автора как человека, как-то попутно задала собеседнику вопрос о родителях и получила весьма краткий, в общих словах ответ. Интерес к людям, с которыми работаю, и смутные воспоминания о «теории времени» (что-то слышала о ней) побудили обратиться к Интернету, где нашлось много интересных материалов о создателе этой теории. Открыла интересные сайты. Натолкнулась на строчки А. Вознесенского:

Есть русская интеллигенция.
Вы думали — нет? Есть.
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь.

В этом длинном стихотворении Н. А. Козырев был в одном ряду с Рихтером и Аверинцевым. Поэт назвал его «небесным интеллигентом» и писал о нем так:

Он не замечает карманников.
Явился он в мир стереть
второй закон термодинамики
и с ним тепловую смерть.

Когда он читает лекции,
над кафедрой, бритый весь —
он истой интеллигенции
указующий в небо перст.

Это вызвало у меня интерес к личности Н. А. Козырева. Позднее узнала, что об ученом писали М. Шагинян, А. И. Солженицын, Е. Рейн. А в журнале «Октябрь» нашла статью самого Н. А. Козырева — «Неизведанный мир». Первые строчки мне как педагогу показались очень близкими и понятными: «С первых дней жизни начинается познание человеком окружающего его

Мира. В маленьком Мире ребенка все целесообразно. Ребенок знает, что, спросив: "Для чего?" — он получит ответ на этот вопрос. Но вот расширяется Мир, растворяется окно, и под шум капель весеннего ливня раздается вопрос: "Почему идет дождь?"

— Помнишь, я спросил, для чего ты разорвал картинку, а ты сказал — это я не нарочно, я просто потянул за уголок, и она разорвалась? Так и дождь, он идет не нарочно, он идет потому, что в небе собрались темные тучи.

Так постепенно все больше и больше новый вопрос "почему?" начинает вытеснять обычный в детстве вопрос "для чего?". Опыт нашей жизни показывает, что вопрос этот законный, что на него следует искать ответ. Таково глубочайшее свойство Мира, называемое причинностью. Благодаря этому свойству возможно научное познание⁴. Это было даже близко тому, что писала Г. И. Щукина о познавательном интересе ребенка.

Читая первые страницы этого очерка (?), я не испытывала особых трудностей — так понятен и ясен был его язык, рассуждения автора о точных науках. О важности точных наук и недостаточности знаний, которые они дают человеку: «В точных науках, — писал Козырев, — нет даже перспективы передать великую гармонию жизни и смерти, являющуюся сущностью нашего Мира. Нарушив эту гармонию, точные науки исследуют только процессы увядания и смерти»⁵. Все это было близко мне, поскольку в юности у меня шла яростная борьба между интересом к математике и гуманитарными дисциплинами.

Потом читать стало сложнее. Возникало чувство досады на свою необразованность: *равновесное состояние, флюктуации*. Хотя стиль оставался понятным, даже прозрачным. Автор стремился донести до читателя литературно-художественного журнала и в научном, и в мировоззренческом отношении важные идеи максимально логично, последовательно, не прибегая к специальному языку. Это тоже было *близко*. Думаю, каждый ученый должен уметь рассказывать

о науке понятно, если он берется за это. И в этом тексте было такое свойство. Это была скорее научно-художественная проза. И речь в ней шла о *причинности* — о категории, которая всегда интересует любого исследователя. «Иссушающий Мир жесткий детерминизм действительно вытекает из уравнений механики и является сущностью ее законов. Уравнения позволяют одинаково точно предвычислять явления как в будущем, так и в прошедшем», — писал ученый. Мир здесь был *иссушающим*, а детерминизм — *жестким*. Такая метафоризация научного языка всегда привлекательна и особенно человеку для обычного читателя.

Причинная механика, о которой рассказывалось в «Неизведанном мире», стала основанием интереса к ученому, представлявшему иную и далекую от моих занятий область знания, интереса к его личности, к его судьбе, в которой отразилось время. Он стал для меня во многом одним из тех лиц, которые представляли советскую эпоху, одним из поколения наших «отцов». Конечно, трудно было не попасть под влияние личности сурового и сдержанного (так мне представляется — ведь я его не знала лично), талантливого человека, который очень рано — в двадцать три года стал астрономом — специалистом первого разряда. Маленькая деталь жизни как-то еще более приблизила этого человека. Узнала о том, что и тогда был актуален вопрос зарплаты молодых специалистов. Они подрабатывали. Н. А. Козырев читал теорию относительности в Педагогическом институте. Может быть, это был *наш институт*, куда они вместе с В. А. Амбарцумяном поступили на первый курс, а потом перешли в Университет? Вот слова В. А. Амбарцумяна: «В те годы поступление в университет было очень затруднено. Надо было или быть рабочим или иметь рабочее происхождение. В нашем (моем и Гоарик) случае этого не было. Кроме того, выяснилось, что мы опоздали и прием окончен. Мне посоветовали обратиться в Ленинградский герценовский педагогический институт, где еще продолжался прием. Так я и сделал. Сдал экзамены

и поступил на физико-математический факультет института, где проучился полтора года. <...> Вместе со мной в 1924 году в педагогический институт поступил Николай Козырев, который очень интересовался астрономией и с которым мы очень подружились. Он тоже перешел в Ленинградский университет, и очень скоро мы вместе совершили ряд попыток астрономических исследований»⁶.

Книга «Время и звезды» воссоздает облик сильного, незаурядного, по-настоящему талантливого человека, не сломленного превратностями судьбы, которая проявила во всей мере жестокость к молодому человеку. Впереди были десять лет сталинских лагерей, где он оказался в 28 лет. К этому времени уже были опубликованы первые научные труды, причем в 1934 г. (26 лет!), Н. А. Козырев, как пишет исследователь его научного наследия А. Н. Дадаев, «опубликовал в *Monthly Notices* — ежемесячнике Королевского Астрономического общества (Лондон) — солидное теоретическое исследование о лучевом равновесии протяженных фотосфер звезд»⁷.

Проникновение в жизнеописание этого человека, представленное биографическим очерком А. Н. Дадаева, воспоминаниями П. А. Зныкина, Д. А. Толстого, сыновей, коллег, последователей — все это позволяет увидеть достойный жизненный путь ученого, выдвигавшего принципиально новые научные идеи, которые заставляли по-иному осмысливать картину мира. Для специалистов, в отличие от меня, абсолютного дилетанта в этой области знания, очень важно, что личностный облик ученого, особенности его человеческой судьбы, дополняются публикацией малоизвестных работ Н. А. Козырева, ретроспективой его научной деятельности, представленной учеными новейшего времени.

Для целостного представления об ученом ценными и необходимыми являются разделы, посвященные развитию идей Н. А. Козырева в современной науке и их методологическое и философское освещение. Это и делает книгу об ученом не про-

сто мемориальным, но и *научным* изданием. В нем сочетается биографическое исследование с научной интерпретацией идей. Идеи Н. А. Козырева предстают уже в контексте нового времени. Они лишены статичности. Разве не интересно читать о свойствах времени и накоплении влияний времени в живых организмах? Видеть, что эти процессы интересуют и ученых XXI в. (по указанию литературы)...

Разделы книги несколько условны. Обаяние личности Н. А. Козырева, очевидно, было столь велико, что, даже сосредоточиваясь на методологической, философской и научной оценке его идей, авторы пишут о том, чем поразили их этот ученый как человек. Так, Б. М. Владимирский⁸ пишет: «Только человек, обладающий совершенно исключительной силой духа, необычайным запасом жизненных сил и здоровья, великим мужеством, мог, пройдя эти круги ада, вернуться к полнокровной жизни и творчеству»⁹. Речь идет о защите докторской диссертации вскоре после возвращения из лагеря и включении в активную научно-исследовательскую деятельность.

Перед нами встает облик отнюдь не кабинетного ученого, полностью сосредоточившегося на своих идеях. Это высокообразованный человек, интересующийся искусством, поэзией, необычайно интересный рассказчик, обладающий чувством юмора и умением давать афористические оценки. Б. М. Владимирский пишет о «величии духа» Н. А. Козырева во время его болезни, об отсутствии в нем гордыни, проявлений тщеславия, сравнивает его с современниками: братьями Вавиловыми, Н. В. Тимофеевым-Ресовским, добавляя при этом, что «вместить такую личность, рассказать такую биографию может только объемистая книга, создать ее, кажется, очень нелегко»¹⁰.

Не имея права давать квалифицированную оценку научным взглядам Н. А. Козырева, в силу отсутствия необходимых знаний, я могу лишь довериться оценкам его последователей, историков науки, представителей естественнонаучного знания, уве-

ровать в эвристическую силу его идей, исходя из факта существования устойчивого интереса к идеям ученого в разных областях знаний. И других фактов актуальности работ ученого. Только за период 1994–2004 гг. В. С. Чураковым и Л. С. Шихобаловым учтено 78 публикаций о работах Н. А. Козырева. Уместно заметить, что в докладе М. М. Лаврентьева¹¹ «Физические теории (математические модели), адекватные реальности, — необходимое условие прогресса естествознания XXI века» Н. А. Козыреву посвящен специальный раздел «Звездная физика Козырева и концепция физического Мира событий»¹². Список публикаций М. М. Лаврентьева показывает, что к исследованиям Н. А. Козырева он обращался неоднократно.

Как гуманитариию мне все интересно, что связано с личностью Н. А. Козырева. Его *прямотояние* в трудное историческое время, его духовная стойкость и редкостная самостоятельность в науке, в жизненных обстоятельствах, в принятии решений, его сопротивление конформизму, способность преодоления неблагоприятных условий жизни и деятельности. Конечно, можно сказать, что судьба вознаградила ученого за все это: он успешно защитил докторскую диссертацию, у него были верные ученики и сподвижники, он считается первооткрывателем лунного вулканизма. Он выдвинул новые идеи, посвященные феномену Времени.

Международная академия астронавтики наградила его именной золотой медалью. Награждение мотивировано формулировкой: «За замечательные телескопические и спектральные наблюдения люминесцентных явлений на Луне, показывающие, что Луна все еще остается активной планетой, и стимулирующее развитие люминесцентных исследований в мировом масштабе»¹³. Из советских граждан такой же медалью был награжден лишь Ю. А. Гагарин. Эта награда, однако, не помешала в 1979 г. увольнению Н. А. Козырева по сокращению штатов.

Позднее решением МАС от 26 марта 1986 г. малой планете № 2536 присвоено

имя Козырева (Minor Planet Circulars / The International Astronomical Union. — 1986. — № 10546. — 26 March)¹⁴. Но Н. А. Козырев об этом уже не узнал.

Так случайный разговор с сыном ученого, множество материалов в Интернете открыли для меня личность большого ученого, обогатили мои представления о личности и эпохе, о науке и нравственности. А книга «Время и звезды» помогла целостно представить образ ученого советской эпохи. Книга издана с соблюдением требований к научному изданию. И в этом смысле она противостоит многим современным изданиям, несущим на себе печать небрежности и торопливости, что все-таки сказывается на восприятии содержания.

Когда этот фрагмент статьи был уже закончен, я продолжила поиски о связи Н. А. Козырева с нашим институтом (теперь университетом). И нашла статью об истории Астрономической обсерватории на крыше первого корпуса. Ее авторы — И. И. Соколова, Л. В. Жуков, В. П. Пронин, Н. А. Васильев¹⁵. Там были такие строки: «С сентября 1947 г. для чтения лекций по астрономии был приглашен выдающийся пулковский ученый *Николай Александрович Козырев*. В нашем институте этот блестящий лектор и талантливый ученый проработал два года. В этот период Н. А. Козырев защитил в Университете докторскую диссертацию по теории внутреннего строения звезд»¹⁶. И этот факт делает еще более близкой для нас личность ученого, которому посвящена книга «Время и звезды».

Галина Ивановна Щукина (1908–1994)

Его величество Случай здесь тоже вмешался. В 1964 г. в актовом зале нашего института проходили областные педагогические чтения. В президиуме сидели незнакомые почтенные люди, а учителя выходили друг за другом и произносили свои доклады. Пришла и моя очередь. Я рассказывала о том, как можно уроки русского языка сделать содержательно и эмоционально привлекательными, интересными для подростков. Подробно рассказала о том, как вы-

строила тематически цельный урок, в котором познавательное начало соединилось с нравственным. Это был урок, на котором звучали стихи о хлебе, об отношении к нему. И как писали сами дети об этом! Именно тогда и случилась наша первая встреча с Галиной Ивановной. Ей показалась интересной моя идея, и мы с энтузиазмом ее обсуждали. А через пять я стала аспиранткой Г. И. Щукиной.

*

У Г. И. Щукиной есть высшие педагогические награды — медаль К. Д. Ушинского и медаль Н. К. Крупской. Она обладатель высокого научного звания — член-корреспондент АПН СССР. Учебные пособия под ее редакцией были переведены на болгарский, испанский, словацкий, украинский, азербайджанский, китайский языки. Уже и не стоит говорить, насколько они были популярны в советское время у нас. Да и до сих пор главы, написанные Г. И. Щукиной, особенно освещение в них методологических вопросов, заслуживают самого пристального научного внимания.

Жизнь ее многократно и в разных ситуациях испытывала на прочность. И ей удалось доказать, что значат сила человеческого духа, владение собой, как много может человек. И как справедливо это — посвятить ей книгу, созданную к столетию. Книга вышла в университетской серии «Золотые имена». Ее назвали строкой из высказывания самой Галины Ивановны — «Я беспредельно верю в человека...»¹⁷ Возможно, это название покажется кому-то длинным. Но что другое более подходило бы к характеристике жизни и деятельности человека, служившего почти семьдесят лет образованию и педагогике, где главное — человек?

Составители предупреждают читателей: «У вас в руках не совсем обычная книга. Составители стремились, главным образом, языком документов, источников, свидетельств представить максимально достоверную, хотя и неполную картину жизни и деятельности Г. И. Щукиной, черты ее лич-

ности, педагогическое кредо. В книге использованы материалы музея истории РГПУ им. А. И. Герцена, архива семьи Щукиных, воспоминания родных, учеников, коллег, а также фрагменты опубликованных и рукописных трудов ученого»¹⁸. Перелистывая не раз эту книгу, думаешь о том, что это своеобразное биографическое исследование состоявшегося человека. Увы! Так не хватает подобных исследований педагогике, да и психологии тоже. Хотя мы часто говорим о гуманитарных методах исследования.

Галина Ивановна не любила рассказывать о себе публично. Она уступила инициаторам празднования своего восьмидесятилетия (1988) и очень коротко рассказала о себе. Этот краткий биографический рассказ очень ценен. В нем интересны факты о взрослой жизни — после переезда в Ленинград. Ценны воспоминания об эвакуации с детьми сотрудников, работа в интернате, использование опыта А. С. Макаренко. Важен тот фрагмент, в котором говорится о сквозной проблеме научной деятельности: «Интерес стал отправным для меня в проблеме человека, для которого жизнь обретает особый личностный смысл, выраженный в деятельности»¹⁹.

*

Она проработала в институте так долго, что трудно было встретить в нем человека, не знавшего о Г. И. Щукиной. Однако сам долгий путь в профессии — не главный измеритель популярности, авторитета и репутации. Их определяют значимые дела, поступки, отношения, решения. У Галины Ивановны были и значимые дела, складывающиеся в многолетнюю и плодотворную научную и организаторскую деятельность, решения, которые определяют нравственную зрелость личности. И отношения, которые строились на принципиальности, сотрудничестве, но не на основе лишь личных симпатий или приближения к себе «особых» людей.

По воспоминаниям Г. И. Щукиной можно судить о ее благодарной памяти обо всех

тех, кто ее учил (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский и др.), с кем пришлось работать (Ш. И. Ганелин, Е. Я. Голант, Р. Г. Лемберг и др.), с соратниками-учениками. В этой памяти нашлось место и тем, с кем Галина Ивановна работала на факультете дефектологии, и авторам учебных пособий, которые выходили под ее редакцией.

У Галины Ивановны была высочайшая репутация в научном мире. Ее авторитет был безупречен. Сила ее научной аргументации убеждала даже больших скептиков. В частности, это проявилось на стадии утверждения темы её диссертации. О «бойцовских качествах» Галины Ивановны пишет А. П. Тряпицына. В Ученом совете того времени психологов было больше, чем педагогов. «Первый раз тема Галины Ивановны не была утверждена, поскольку, как было записано в постановлении Ученого совета, “во все времена интерес (и познавательный интерес в том числе) всегда был категорией не педагогики, а психологии”»²⁰. Галине Ивановне пришлось проявить незаурядную настойчивость и доказать, что познавательный интерес может быть предметом педагогического исследования. Своими научными работами она блестяще это подтвердила и открыла путь тем педагогам-исследователям, которые разделяли ее позицию. Готовясь к юбилейной конференции, я посмотрела, является ли познавательный интерес предметом современных исследований. Не сомневаюсь в том, что причиной многолетнего интереса к работам Г. И. Щукиной является их объективная научная ценность, возможность развития заложенных в них идей, открытость созданных ею теоретических систем к новому. География современных исследований познавательного интереса необычайно широка: Москва, Владикавказ, Саратов, Кемерово, Волгоград, Елец, Омск, Беларусь. И это на отрезке времени совсем небольшом — от 1999 до 2008 г. В познавательном интересе современные ученые находят источник развития свойств изобретателя, творческой личности. При этом в лю-

бом предмете и новой технологии открываются средства стимулирования интереса как мотива учения. Все это подтверждает открытость научных идей Г. И. Щукиной к развитию в современных условиях.

Все научные и учебные тексты, созданные Г. И. Щукиной, ее устные выступления проявляют яркую научную индивидуальность ученого, мощную интеллектуальную энергию, творческую направленность личность. Это вполне отразилось в языке ее работ, в научной и языковой картине мира, в научной стилистике, в соединении рационального и эмоционального начал, в общих мировоззренческих установках ученого.

*

Она прошла предлинный путь в образовании: от пионервожатой (1925) до признанного в стране ученого, работавшего в науке до самой кончины (1994). Ее женские плечи выдерживали и груз семейных забот, и работу в разных должностях (вожатая, воспитатель, лаборант на кафедре, руководитель детского дома в годы войны, заведующая кафедрой — одной из самых больших в институте). По-настоящему занималась наукой, для которой так важен эмпирический материал. А это требовало посетить в школах десятки уроков, чтобы «наколоть» интересный факт. Об этом пишет ее ученица Т. Н. Боброва, всю жизнь проработавшая в школе: «Не помню более заинтересованного и доброжелательного к ребятам и к учителю “гостя”, чем Галина Ивановна. Проходят годы. Щукина ждет, когда у Бобровой в очередной раз “Отцы и дети”, и просит пригласить ее на тот же самый урок. Ей надо посмотреть, что такое тот же учитель с новым поколением — поколением 80-х. А еще любила Галина Ивановна наблюдать за одним и тем же классом в течение учебного дня. И нас, классных руководителей, приглашала попробовать сделать когда-нибудь так же»²¹.

Она любила театр, много читала, была прекрасной хозяйкой, в теплый дом которой так любили мы приходить.

Она была прозорливой в науке и умела читать по лицу, угадывая безошибочно настроение собеседника. Вот как об этом пишет В. А. Филиппова: «Что, миленький? Что-то не так?.. А что горбишься? Что-то случилось?»²²

У нее было удивительное чувство слова. Как жаль, что только В. Ф. Башарин (из молодого поколения шукинских учеников) записал некоторые ее речения: «Лучше иметь пустой карман, чем пустую душу», «Постоянная серьезность — маска посредственности», «Меньше снисходительности и жалости к себе», «Когда плохо мыслят, скверно пишут», «Писать и страдать надо молча», «Незаменимых людей нет, есть неповторимые»²³. Наш талантливый Слава, которого, к сожалению, уже нет, увидел в Галине Ивановне очень важное — умение быть учителем. Он написал так: «Я ощущал в Галине Ивановне тайну, подобную тайне города, в котором она жила. Поэтому она никогда не была известна до конца, каждый раз я открывал в ней новые грани человека и ученого. Всякий человек интересен не своей отгадкой, а своей загадкой. Загадка моего учителя очень радостная, она вела не к тугодумству, а рождала положительные эмоции, открытия»²⁴. И правда. Галина Ивановна была многогранным человеком. С ней можно было говорить о сложных научных идеях, об искусстве, об отношениях, о проблемах бытия. Но она вовсе не была «простым» человеком, в общепринятом смысле слова, как пишет В. А. Филиппова. Вот Галина Ивановна говорит: «Более всего ужасны старость и немощность. Вот чего боюсь». И тут же с поразительной иронией: «А правда, хорошо сказал поэт: “Ох, старость, ты что сношенный халат: носить срамно, а бросить жалко”, — и глаза смеялись»²⁵.

*

Галина Ивановна отличалась большой научной требовательностью и взыскательностью. У нее было не слишком много аспирантов, и свою научную школу она создавала основательно и неторопливо. Как ученый незаурядный, она понимала, что

ее идеи должны развиваться, а научная мысль — уходить все глубже в проблемное поле исследований, вторгаться в неразведанные тайны педагогической действительности. И для этого нужна научная школа. Идея коллективного научного поиска воплотилась в создании проблемной лаборатории на базе 534 школы Выборгского района Ленинграда. Исследовательский коллектив составили учителя, преподаватели кафедры педагогики, аспиранты. Творческий ум Галины Ивановны стал условием разработки не формального, а плодотворного научного поиска теоретиков и практиков. Самим фактом создания и функционирования лаборатории Галина Ивановна доказала необходимость тесной связи науки и повседневной педагогической действительности. Это было ценно и для исследователей: тесная связь со школой предохраняла от голого теоретизирования и ухода в область абстракций. Практикам совместная работа давала оптимистический взгляд на научные идеи, на их приложимость к реальному педагогическому процессу. И об этом тоже есть в книге, посвященной столетию со дня рождения Г. И. Щукиной.

Книга «Я беспредельно верю в человека...» воссоздает многогранный облик ученого-герценовца, обаятельной женщины, сильного духом человека, жизнь которого была воплощением слов поэта: «Есть ценностей незыблемая скала».

Создав в науке мощное научное направление (концепция познавательного интереса и педагогическая концепция деятельности), Галина Ивановна никогда не проявила и капли высокомерия, тщеславия перед теми, у кого не было такой, как у нее известности, таких книг и учебных пособий, такой научной школы. Ей не были свойственны властолюбие, черты властительного руководителя. Хотя была она строгим и чрезвычайно организованным, требовательным заведующим кафедрой. Она была высоконравственным человеком, хотя при всех отступлениях можно сослаться на время. Но все ссылки на время здесь ни при чем. Во все времена настоящий человек остается человеком.

Дина Клементьевна Мотольская (1907 — 2004)

Эта книга особенная. Она вышла, вопреки, с некоторым опозданием: в апреле 2009 г. И причина этого житейская. Издание книги к столетию Д. К. Мотольской оказалось делом трудным. Совсем не просто было собрать по подписке деньги на ее издание. Дело было не в скупости людей. Надо было многим позвонить, объяснить, договориться о встрече, куда-то ехать. Но вот деньги собраны. Собраны горы материалов разного формата: дискеты, электронные письма, рукописи, архивные материалы. Желających написать воспоминания о Дине Клементьевне Мотольской, верно служившей факультету и институту в течение десятков лет, оказалось немало. Осуществление замысла — подготовка и издание книги — легло на плечи двух немолодых уже женщин, учениц Д. К. Мотольской²⁶, выпускниц ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Открываешь книгу и читаешь нехарактерные для нашего времени слова: «Книга издана на средства, собранные студентами, друзьями и коллегами Дины Клементьевны Мотольской». В этом акте жертвоприношения объединились самые разные люди. Почему? Само имя Д. К. Мотольской многие годы звучало как пароль, как знак принадлежности к филологическому факультету ЛГПИ им. А. И. Герцена, как обозначение общих духовных ценностей, к которым приобщался почти каждый первокурсник литфака, приходя слушать «Введение в литературоведение». В разное время на литфаке работало много замечательных преподавателей, которые оставили о себе славную память. Но память о Д. К. Мотольской объединила огромное количество людей. Почему? Она не выдвигала, как теперь говорят, «прорывных» идей в филологии и литературоведении. Список ее печатных работ совсем не так уж и велик. Но зато в соавторстве с М. Г. Качуриным она написала хороший учебник по русской литературе для средней школы — он выдержал 19 изданий! Зато ее лекции выдерживали жесткую конкуренцию с лекциями именитых преподавателей

литфака: Ю. П. Суздальского, В. Ф. Шишкина, Б. Я. Геймана. Зато аудитория, в которой она читала, всегда была полна студентами. Именно от нее многие из нас впервые услышали неведомые ранее имена Буало, Лессинга, имена тех писателей и поэтов, которые не входили в круг нашего чтения или в программу по литературе.

Дело было не только в том, что Д. К. открывала нам безграничный мир гуманитарной культуры, читая программный курс «Введение в литературоведение». В общении с ней всегда возникало чувство, что ты самый главный для нее собеседник, что по преимуществу ТЫ в центре ее внимания. А это так важно для первокурсника, который чувствует дистанцию между собой и преподавателем, преодолеть, которую, кажется, совсем невозможно. Сами степени и ученые звания в те времена были таким важным отличительным знаком людей, взошедших на вершины научного знания... А ты стоял внизу — такой маленький, малообразованный, незаметный. И вдруг ты становился равноправным собеседником, тебя слушали и тебе отвечали, как равному.

Составители книги и авторы воспоминаний увидели то, что отличало Д. К. от других, что стало доминантой ее жизни на протяжении многих десятилетий — «Ее тепла хватало на всех...»²⁷ Именно так названа эта книга, которая включает самые разные материалы: сведения о родителях, о семье; записанные на диктофон в последние годы Д. К.; ее рассказы о жизни и людях; значительный объем составляют воспоминания о Д. К. Весь этот интересный историко-биографический материал дополняется письмами к Д. К. и воспоминаниями о тех, кто был «в одном ряду с ней»: это Л. В. Исаева, Б. Я. Гейман, К. П. Лахостский, Н. Я. Берковский, В. А. Десницкий, Е. Г. Эткинд. Возникает живая история людей, которые определяли атмосферу образования, не обезличенного идеологией времени общения.

Это история образования, ученичества в лицах, когда вместе со знаниями ученику передается нечто — не измеримое оценка-

ми, стандартами, компетенциями: обаяние личности, духовность, отношение к миру, к культуре, к человеку. Благодаря этому, многие из нас преодолевали одномерность существования, заданную временем, и ощущали «напряженность человеческой реальности» (Д. Фаулз). Это трудно объяснить простыми словами, но, по-моему, именно так: благодаря встрече с такими преподавателями образование приобретало событийный характер. И для многих именно Д. К. Мотольская стала событием жизни — тем более что читала она первокурсникам!

Вряд ли это можно оспорить. Ведь под одной обложкой книги «встретились» очень разные люди: по статусу, по возрасту, по успешности достигнутых в жизни целей, по испытанным превратностям судеб, по многим другим параметрам человеческой жизни. Это известные ученые, доктора наук, профессора и обыкновенные школьные учителя, проработавшие в школе до полувека, давшие тысячи уроков и навсегда сохранившие в своей памяти уроки Дины Клементьевны.

Я без конца перелистываю книгу, и глаза останавливаются на строчках, которые стали основанием для названия книги.

Вот пишет *Кира Ивановна Соколова*, коллега Д. К. Мотольской: «Она была открыта людям и всегда готова помочь всем. Я даже не помню, чтобы она кому-нибудь в чем-то отказала»²⁸.

Н. Г. Смирнова (Н. Бескинд), моя однокурсница (выпуск 1960 г.): «Удивительно, как она сразу распахнулась к нам: никакой дистанции, интерес к первокурсникам, живой разговор. Вот великий урок для меня на всю жизнь»²⁹.

В. Н. Сажин (выпуск 1968 г.): «Дина Клементьевна Мотольская, прекрасно владея даром лектора, обладала еще удивительным даром слушателя. Я потому называю это талантом, что с годами убедился, как немного на свете людей, которые, спросив, как у вас идут дела, не перебили бы уже на второй минуте вашего ответа: “А у меня...” — и не перешли бы к протяженному монологу...»³⁰

М. Л. Смусина (выпуск 1970 г.): «Дина Клементьевна обычно стояла не за кафедрой, а перед рядами столов, не столько читала лекцию, сколько с нами разговаривала. И вполне можно было (грешна, частенько этим пользовалась) прямо по ходу задать ей вопрос или высказать какую-то свою мысль. Она всегда отвечала и, как правило, сразу. Похоже, наша реакция была для нее важнее собственного заранее продуманного построения»³¹.

И. В. Селиванова (выпуск 1963 г.) вспоминает о последнем годе жизни Д. К. К этому времени она была уже слепа и почти ничего не слышала: «Какую же силу духа, какую любовь к жизни нужно было иметь, чтобы не отчаиваться, не опуститься... Поражало то, что она помнила десятки имён своих учеников, темы их курсовых и дипломов, диссертаций, обстоятельства их семейной жизни. Никакого погружения в себя, а живой и искренний интерес к другому человеку, чрезвычайно редко свойственный такой глубокой старости»³².

Быть открытой для других — этого, наверное, мало для того, чтобы оставить столь благодарную и пронесенную сквозь многие годы память о себе разными поколениями учеников. Эта открытость должна сочетаться с духовным богатством личности, с бескорыстным отношением к этому богатству и желанием им делиться, передать его другим. А делиться было чем. Д. К. всегда была в курсе новейшей литературы: и прозы, и поэзии. Она внимательно следила за журналами, за публикациями в области литературоведения. «Она не поучала, а размышляла, указывала на возникавшие тогда в науке тенденции и исподволь снимала “хрестоматийный глянец”, разрушала привычные подходы»³³, — вспоминает *М. Медовой* (выпуск 1962 г.).

«Она воспитывала и учила, она просвещала (слово “просвещение”, взятое не в “учпедгизовском” только смысле, но в большом историческом объёме его значения, тоже, я думаю, к Дине Клементьевне как-то подходит)»³⁴, — пишет *В. Сажин* (выпуск 1968 г.).

В чем она просвещала? В чем убеждала? В необходимости читать современные журналы, статьи В. Я. Лакшина, стихи уже известных поэтов и начинающей тогда Новеллы Матвеевой, книгу Л. Я. Гинзбург «О лирике». От нее на четвертом курсе уходящие в школу будущие педагоги узнавали о Потемне и Сакулине, об Овсяннико-Куликовском и Пыпине, Палиевском и Лотмане. Она снабжала огромным богатством знаний необязательных в школьном преподавании, но необходимых как фундамент филологической образованности и продолжения образования. Ее реплики, краткие комментарии, напоминания о новых книгах, вопросы (вроде «А Вы еще не прочитали?») предупреждали наше невежество, лень, вечное для молодости «успею».

Каждый ученик ее брал от нее то, что было близко именно ему: произнесенное новое имя, название произведения, статьи, комментарий к событию, явлению, интерпретацию нового романа и т. д. Все это она отдавала бескорыстно. Наверное, ей никогда и не было жаль труда своей души, которой она до последних дней не позволяла лениться (помните, у Н. Заболоцкого: «Не позволяй душе лениться!»). Труд души был для нее главным делом жизни — до самого конца. И плоды труда этого она дарила ученикам: старым, молодым, юным. И справедливо пишет моя однокурсница Н. Левина, что Д. К. «никогда никого не отлучала, не обижалась на “блудных детей”, а только беспокоилась о них и всегда готова была с радостью встретить»³⁵.

Труд души, умение отдавать, а не брать спасали беспомощного человека от старческого эгоизма, от требования к себе особого отношения. «Постепенно она утрачивала зрение и слух. Меркнул свет, затихали звуки. Она всматривалась в этот сужающийся круг света, вслушивалась в невнятные голоса. Она из всех сил держалась за то, что еще осталось. Оставаясь одна в своих глухих

потемках, она заново “прокручивала” то, что сегодня услышала, сосредоточивалась на какой-нибудь мысли или фразе, повторяла ее про себя (чтобы не потеряться, не заблудиться в темноте!) и не только на следующий день, но и через неделю, а то и позже, когда снова приходил собеседник, продолжала уже почти забытый им разговор»³⁶, — вспоминает Н. Левина.

*

Д. К. Мотольская была рядовым тружеником педагогического образования. В библиотеке нет томов с ее фамилией, она не выдвигала парадоксальные идеи, не была организатором науки большого масштаба. Она просто преподавала, учила словом. В ее слове была заключена жизненная вселенная. Как звездное небо Н. А. Козырева, как глубокая вера в человека Г. И. Щукиной, вселенная Д. К. Мотольской осталась в памяти благодарных учеников.

Память об этих людях стала материальной субстанцией, приняв форму книг, которые являют портреты людей, почти ровесников ушедшего XX в.

Они были ровесниками Л. Ландау, писателя-фантаста Ивана Ефремова, антрополога К. Леви-Стросса, скрипача Д. Ойстраха, психолога А. Маслоу, актёра Р. Плятта и многих других знаменитых и незнаменитых людей.

*

Не получился у меня жанр книжного обозрения. Все перемешалось: впечатления о книгах, мысли о людях, которым они посвящены, о моих современниках, которые эти книги создавали. Подобные книги нужны и для чтения просто, и для образования, и для исследования. Благодаря подобным книгам, постигаешь историю поколений, историю личностей и понимаешь, как бесценна память для истории. И для каждого отдельного человека: «И понял я, что в мире нет // Затертых слов или явлений» (Д. Самойлов).

Примечания

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л., 1969. С. 104–105.
2. Время и звезды: к 100-летию Н. А. Козырева. Научное издание. — СПб.: Нестор-История, 2008. — 790 с.

3. *Козырев Ф. Н.* Неконфессиональное религиозное образование в зарубежной школе: Дис. ... д-ра пед. наук. — СПб., 2005.
4. Октябрь. 1964. № 7. С. 183–192.
5. Там же.
6. Сайт о жизни, деятельности и научных трудах одного из крупнейших астрономов XX в. — Виктора Амазасповича Амбарцумяна, одного из основоположников теоретической астрофизики. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.ambartsumian.ru/patrimony/memoirs/leningrad.html
7. *Дадаев А. Н.* Николай Александрович Козырев // *Время и звезды*. С. 9.
8. Б. М. Владимирский — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Крымской астрофизической обсерватории.
9. *Владимирский Б. М.* 100 лет со дня рождения Н. А. Козырева. Воспоминания и размышления о теории времени, о лунном вулканизме, об эпохе и личности // *Время и звезды*. С. 564.
10. Там же. С. 568.
11. М. М. Лаврентьев (родился 21 июля 1932 г., Москва) — российский математик, академик РАН, специалист в области математической физики, доктор физико-математических наук, профессор.
12. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.math.nsc.ru/conference/wwwegan/ml_rus.pdf
13. [Электронный ресурс] — Режим доступа: schools.keldysh.ru/sch1216/materials/sun_sys_do/Personalalia/Kozyrev/kozyrev.h
14. Там же.
15. *Соколова И. И., Жуков Л. В., Пронин В. П., Васильев Н. А.* Астрономическая обсерватория кафедры теоретической физики и астрономии РГПУ им. А. И. Герцена // *Современная астрономия и методика ее преподавания: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции 24–26 марта 2004 г.* СПб., 2004. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.astronet.ru/db/msg/1197730/08.html. Здесь допущена неточность: докторскую диссертацию Н. А. Козырев защитил в марте 1947 г. в ЛГУ.
16. Там же.
17. «Я беспредельно верю в человека...»: Страницы жизни и творчества Г. И. Щукиной / Ред.-сост. М. А. Верб, И. Г. Шапошникова; Отв. ред. А. П. Тряпицына; Под общ. ред. Г. А. Бордовского, В. А. Козырева. — СПб., 2008. — 334 с. [Серия «Герценовский университет. Золотые имена»].
18. Там же. С. 8.
19. Там же. С. 18.
20. *Тряпицына А. П.* Бесценный вклад в научно-педагогическую школу кафедры // *Научное наследие Галины Ивановны Щукиной и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. И. Щукиной: Сб. научных статей.* — СПб., 2008. С. 13.
21. «Я беспредельно верю в человека...»: Страницы жизни и творчества Г. И. Щукиной. С. 283.
22. Там же. С. 294.
23. Там же. С. 290.
24. Там же. С. 278.
25. Там же. С. 271. Это не точная цитата из П. А. Вяземского: «Жизнь наша в старости — изношенный халат: И совестно носить его, и жаль оставить...»
26. Н. Р. Левина (выпуск 1960 г.) работала в школе, ИУУ, Академии государственной службы; автор книг совместно с Ю. И. Кирцидели: «Мой город Санкт-Петербург», «По этим улицам, по этим берегам». И. З. Перчёнок (выпуск 1954 г.) — преподаватель русского языка и литературы классической гимназии (школа № 610).
27. Её тепла хватало на всех... Книга о Дине Клементьевне Могольской. — СПб.: ООО «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2009. — 384 с.
28. Там же. С. 108.
29. Там же. С. 123.
30. Там же. С. 129.
31. Там же. С. 132.
32. Там же. С. 144–145.
33. Там же. С. 148.
34. Там же. С. 151.
35. Там же. С. 206.
36. Там же. С. 207.